

Migration strategies of the older population: the experience of Russia and other countries

A. V. Uriadova¹, T. S. Akopova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-4-488-495

Research article
Full text in English

The article discusses migration strategies of the population over the working age in Russia and foreign countries. A comparative analysis of statistical data on the inbound and outbound flows of internal migration of this category of population in the Russian Federation has been performed. The features of regional differentiation of migration, as well as the intensity of migration of the population over the working age, are revealed. It is noted that the migration of the population over the working age is increasing numerically, but its share in the composition of migration flows remains stable. The internal migration of Russian pensioners is predominantly female in terms of its gender composition. Its main focus is migration movements between cities, whereas foreign pensioners mainly migrate from the city to the countryside. Among the causes of migration movements of people over the working age, special attention is paid to returning to their historical homeland and reuniting with their family. It is noted that family migration is typical for most European countries, and changes in migration strategies of the population over working age are associated not only with differences in the level and lifestyle of retirement in different countries, but also with the fact that the studied population category itself is changing qualitatively, it is becoming more adaptive and active.

Keywords: migration strategies; adaptation potential; age migrants; external migration; internal migration; pensioners

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Uriadova, Anna V. | E-mail: koukouch@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-0091-0293
D. Sc. (History), Associate Professor

Akopova, Tatiana S. | E-mail: t.akopova@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0003-0770-0758
Cand. Sc. (Sociology)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018, project VIP-020).

For citation: Uriadova A. V., Akopova T. S. Migration strategies of the older population: the experience of Russia and other countries // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2024. Vol. 10, No. 4. P. 488-495. (In Russ.)

Миграционные стратегии населения старше трудоспособного возраста: опыт России и зарубежных стран

А. В. Урядова¹, Т. С. Аكوпова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-4-488-495
УДК 314.7

Научная статья
Полный текст на английском языке

В статье рассматриваются миграционные стратегии населения старше трудоспособного возраста в России и зарубежных странах. Выполнен сравнительный анализ статистических данных по въездным и выездным потокам внутренней миграции этой категории населения в РФ. Выявлены особенности региональной дифференциации миграции, а также интенсивность миграции населения старше трудоспособного возраста. Отмечается, что миграция населения старше трудоспособного возраста увеличивается численно, однако ее удельный вес в составе миграционных потоков остается стабильным. Внутренняя миграция российских пенсионеров по своему гендерному составу является преимущественно женской. Ее главным направлением являются миграционные перемещения между городами, тогда как зарубежные пенсионеры в основном мигрируют из города в сельскую местность. Среди причин миграционных перемещений людей старше трудоспособного возраста особое внимание уделяется возвращению на историческую родину и воссоединению с семьей. Отмечается, что семейная миграция характерна для большинства европейских стран, а изменения миграционных стратегий населения старше трудоспособного возраста связаны не только с различиями уровня и образа жизни на пенсии в разных странах, но и с тем, что качественно меняется сама изучаемая категория населения, она становится более адаптивной и активной.

Ключевые слова: миграционные стратегии; адаптационный потенциал; возрастные мигранты; внешняя миграция; внутренняя миграция; пенсионеры

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урядова, Анна Владимировна | E-mail: koukouch@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-0091-0293
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
нашей отечественной истории

Акопова, Татьяна Сергеевна | E-mail: t.akopova@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0003-0770-0758
Кандидат социологических наук, доцент, декан факультета
социально-политических наук

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-018, проект VIP-020).

Для цитирования: Урядова А. В., Аكوпова Т. С. Миграционные стратегии населения старше трудоспособного возраста: опыт России и зарубежных стран // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 4. С. 488-495.

Вариативность трудовых, финансовых, здоровьесберегающих стратегий порождает многообразие миграционных практик населения старше трудоспособного возраста. В мире существуют страны, где отсутствуют традиции пенсионной миграции (например, Испания), у других они появились очень рано (например, Англия и Франция). Миграционные стратегии во многом зависят от стадий жизненного цикла. «Третий возраст» – стадия жизненного цикла человека, когда он выходит на пенсию, оставляя свою прежнюю профессиональную деятельность. Изменяется его образ жизни, характер труда. Это условное название первых лет пенсионного возраста («молодые пожилые»). Вслед за ним наступает «четвертый возраст». Такое обозначение жизненных циклов предложил в 1974 г. П. Ласлетт [1]. Некоторые авторы считают, что в связи с особенностями данных возрастных групп (первая – относительный достаток и хорошее здоровье, вторая – ухудшение здоровья, снижение доходов, рост уязвимости [2]) причины их миграции различаются.

В демографической статистике этим периодам соответствует категория населения старше трудоспособного возраста. В разных европейских странах население, как правило, выходит на пенсию в возрасте от 60 до 67 лет. В последние годы в ряде стран (например, в России, Франции) были осуществлены пенсионные реформы, увеличившие возраст выхода на пенсию, что связано с увеличением продолжительности жизни. В 2019 г. средняя продолжительность жизни в России составила 73,2 года [3]. Наиболее высокие показатели продолжительности жизни сегодня наблюдаются в Японии (84,3) и Южной Корее (83,3), а самые низкие – в странах Африки (чуть более 60 лет). Пандемия внесла свои коррективы, сократив продолжительность жизни, однако прогнозы исследователей в целом благоприятны и говорят о восстановлении данных показателей и их дальнейшем росте. Такие изменения (увеличение продолжительности жизни, более поздний выход на пенсию) приводят к изменению границ понятия «третий и четвертый возраст».

Возрастной состав мигрантов относится к структурным показателям миграции, которые изучаются значительно реже, чем ее количественная динамика. Миграция населения старше трудоспособного возраста редко становилась предметом исследований. Е. В. Тарасова объясняет это «в первую очередь более низкой (по сравнению с трудоспособным населением) пространственной мобильностью пожилых, а также меньшей значимостью их миграции для развития трудовых ресурсов» [4, с. 150–151]. Одна из причин низкой мобильности этой категории населения, которая выделяется исследователями, – его консервативность. Г. В. Ниорадзе увязывает низкую мобильность старшего поколения со слабым адаптационным потенциалом, отмечая его уязвимость и сложности с интеграцией (низкий социально-экономический статус, проблемы со здоровьем, одиночество, дискриминация и сегрегация) [5, с. 43–44].

Однако пенсионеры XX и XXI века – это очень разные категории. Многие современные представители «третьего возраста» прожили достаточно яркую жизнь, много путешествовали, обладают большим жизненным опытом. Западные исследователи отмечают, что нынешние пенсионеры, будучи молодыми, рано покинули родительский дом [6, с. 446]. «Прикрепление» к месту, ностальгия в их случае работает совсем не так, как с предыдущими поколениями. Еще одной особенностью большинства современных «молодых пенсионеров» является продолжение ими трудовой активности после выхода на пенсию. В связи с этим изучение возрастных мигрантов становится все более актуальным.

Немаловажным фактором, приводящим к росту удельной численности пожилых мигрантов, является общее старение населения в связи с увеличением продолжительности жизни и сокращением рождаемости, прежде всего в европейских странах. По данным ООН, к 2050 г. пожилым в среднем будет каждый третий человек в мире [7]. Правда, возможно, тогда изменят возрастные границы данного понятия. Эти процессы актуализируют исследование миграционного поведения населения старше трудоспособного возраста.

Миграционная мобильность населения старше трудоспособного возраста включает как внешние, так и внутренние миграции, которые происходят в пределах «своей» страны. Их предпочтение зависит от целого ряда факторов: «молодые пенсионеры» и супружеские пары больше склонны к эмиграции, нежели переезду внутри страны, тогда как представители более старшего «четвертого возраста» – наоборот. При этом если причины внутренней и внешней миграции могут различаться, то психологические и другие барьеры для «возрастных» мигрантов будут достаточно схожими.

Анализ данных Росстата по миграции населения РФ показывает неравномерную динамику миграционных потоков за период 2019–2023 гг. При этом максимальное число прибывших как в пределах России, так и из других стран (в целом и старше трудоспособного возраста) фиксируется в 2019 г. В 2022–2023 гг. наблюдается уменьшение объемов как миграционных потоков в целом, так и миграций лиц пенсионного возраста. Аналогичные тенденции прослеживаются и по отдельным категориям мигрантов старше трудоспособного возраста (мужчины/женщины, городское/сельское население). Наименьшее количество мигрантов-пенсионеров наблюдается в пандемийном 2020 г., тогда как в целом самыми низкими показатели их миграции были в 2023 г.

Данные статистики демонстрируют снижение общей миграционной активности и перемещений изучаемой возрастной категории за период 2019–2023 гг. Пик «возрастной» эмиграции за пределы страны приходится на 2022 г., когда он почти вдвое превышает соответствующие показатели 2021 г., что характерно и для эмиграции (выбывшие в другие страны) из Российской Федерации в целом. Из всех мигрирующих как внутри страны, так и выезжающих за рубеж пенсионеры составляли в среднем около 11 %. При этом если взять соотношение внутренних и внешних мигрантов старше трудоспособного возраста, то последние составляют всего лишь около 9 % от числа всех «возрастных» переселенцев и около 10 % от общего числа эмигрантов всех возрастов, выезжающих за рубеж [8].

По данным Международной организации по миграции, в 2019 году большинство международных мигрантов (около 74 %) находилось в трудоспособном возрасте (20–64 года), при сохранении неизменной с 2000 года доли международных мигрантов в возрасте 65 лет и старше (около 12 %) [9, с. 26]. По данным ООН, доля мигрантов старше 60 лет на 2020 г. составляла 17,2 % (48,2 млн. человек из 280,6 млн. общего количества мигрантов). За последние 30 лет численность пожилых мигрантов практически удвоилась (25,5 млн. человек – в 1990 г., 48,2 млн. человек – в 2020 г.), однако их удельный вес среди всех мигрантов остался почти неизменным (16,6 % – в 1990 г., 17,2 % – в 2020 г.) [5, с. 49]. То есть наблюдается тенденция к росту абсолютного числа «возрастных» мигрантов при сохранении их стабильной доли в общем миграционном потоке.

По мнению Л. Б. Карачуриной, несмотря на то, что пожилых «привлекают периферийные территории в регионах с благоприятными природно-климатическими условиями, в целом интенсивность миграции людей в возрастах 50+ по-прежнему невысока, так как выход на пенсию в России «растянут» по времени. При этом регистрируемый выезд пожилых из крупных городов по-прежнему не очень распространен, так как мигранты боятся лишиться региональных социальных выплат» [10, с. 258].

Противоположная ситуация наблюдается в Европе, где, в отличие от России, пенсионеры стремятся уехать из крупных городов и столичных агломераций. Подобная ситуация наблюдается во Франции [6, р. 445; 11, р. 135], Великобритании [12, р. 151], Швеции [13], Италии [14], Германии [15]. В США пенсионеры, в том числе представители среднего класса, также стремятся уехать из больших городов Северо-Востока в южные и западные регионы. Калифорния, Флорида, Аризона, Невада, Нью-Мексико, Миннесота, Висконсин и Пенсильвания в связи с этим даже получили прозвище «штаты пенсионеров» [16]. Такие миграции негативно влияют на демографическую структуру территорий их вселения, увеличивая процент пожилых, и отчасти – на экономическую ситуацию, сокращая долю трудоспособного населения и поступление налогов.

Можно выделить несколько типов расселения пенсионеров, возникающих в результате таких миграций: в окрестностях крупных городов, в радиусе, увеличенном за счет развития транспорта; в курортных регионах, особенно на побережье и у озер, в местах, связанных с какими-либо инфраструктурными преимуществами [6, р. 449]. Есть и исключения из этого правила, например Нидерланды, где модели миграции пенсионеров не совпадают с общеевропейскими. Для них не характерно перемещение из города в сельскую местность и на прибрежные курорты, так как пенсионеры и без того располагают широким спектром возможностей для отдыха и проживания [17].

Исследователи по-разному интерпретируют причины возрастных миграций. Еще в 1979 г. Р. Вайзман и Г. Роузман выделили три причины: удобство (отдыха, медицинских учреждений, служб ухода и т. д.), возвращение (на историческую родину), семейная миграция (воссоединение с семьей) [18]. Причем данный перечень не является закрытым.

Безусловно, семья является одним из немаловажных факторов миграции пожилых, особенно одиноких людей [19]. При этом, как правило, в случае с миграцией представителей «третьего возраста» речь идет о помощи детям, внукам, а «четвертого» – о помощи самим пенсионерам со стороны семьи. В отличие от миграций населения более младшего возраста такие переселения не связаны с учебой или работой. Ведущую роль в них играют социальные и родственные связи. Семейный фактор важен лишь в некоторых европейских странах, что связано с их национальными традициями и менталитетом. Так, например, Ф. Бартио, сравнивая миграцию пожилых в США и Италии, пришел к выводу о гораздо большем значении роли семьи для итальянцев [20]. При этом большинство остальных показателей миграции в этих странах были схожи.

Миграция «молодых пенсионеров», ведущих активный образ жизни, может быть обусловлена новой работой, стремлением повысить пенсионные выплаты (в России, например, переезд в Москву), улучшить качество жизни в плане медицинских услуг, экологии, жилищных условий. К улучшению качества жизни стремится большин-

ство пенсионеров в развитых странах, которые переезжают из соображений стоимости жилья, его комфорта, доступности и т. д. [21; 22]. В США, Канаде, Австралии, Швеции, Великобритании такая миграция в основном затрагивает зажиточных пенсионеров, переселяющихся в более комфортные для жизни районы.

Изучая статистику межрегиональной миграции в разных странах, Л. Б. Карачурина и Н. В. Мкртчян пришли к выводу о том, что интенсивность миграции в возрасте 60–64 лет в России и других странах примерно одинаковая. Исключение составляют США, где она примерно вдвое выше, чем в России. Существенно выше миграция в этом возрасте также внутри провинций в Канаде и Германии, но при этом между провинциями активность переселений в пожилых возрастах вдвое уступает российской [23, с. 79].

В России существует большая региональная дифференциация миграции пенсионеров. Особой интенсивностью миграционного оттока отличаются дальневосточные и северные регионы: будучи в трудоспособном возрасте, люди зарабатывают здесь на квартиру, хорошую «северную» пенсию и, выходя на нее раньше (иногда не по возрасту, а по накоплению «северного» трудового стажа, будучи «молодыми пожилыми»), уезжают в центральные или южные районы страны [24, с. 55]. Более интенсивный миграционный приток в том числе пожилых до 2022 г. был характерен для южных регионов РФ. Региональная дифференциация миграций характерна и для других стран (Франция, США), территории которых находятся в разных климатических зонах, отличаются по социальным льготам и другим параметрам [25, р. 120].

Еще одна особенность внутренних миграций лиц старше трудоспособного возраста – так называемый дачный феномен, когда, оставаясь прописанными в городских квартирах, пожилые оставляют их детям-внукам и переезжают на постоянное место жительства за город. Переезд в загородные дома характерен и для некоторых других стран (например, Франции), но он, как правило, носит сезонный характер. В отдельных случаях для работающих пенсионеров такие миграции могут принимать маятниковый характер, являясь своего рода заменой миграции из города [26].

В постперестроечный период эмиграция населения «третьего» и «четвертого» возрастов в России была, в том числе, вызвана репатриационными программами Германии, Израиля и некоторых других стран. Часть из них была закрыта к 2008 г. Поводом для эмиграции в этом случае было возвращение на «историческую родину», хотя причины оставались в основном все теми же – социально-экономическими.

Безусловно, финансовый вопрос также важен для миграции пожилых. Зарубежные авторы отмечают, что благосостояние в западных странах неуклонно растет, что дает пенсионерам большую свободу в выборе места жительства, будь то эмиграция или внутренняя мобильность. При этом отмечаются существенные различия миграций по социальным категориям (например, супружеские пары и одинокие женщины) и странам. Страновая специфика особенно заметна, если сравнить долю основных расходов (питание, жилье, медицинское обслуживание) в бюджетах пенсионеров. В Греции и Испании на них уходит 80 %, тогда как в Великобритания на еду и жилье тратится 67 % доходов людей в возрасте 65 лет и старше [6, р. 446].

В России пожилые люди, задумываясь о переезде за рубеж, боятся потерять положение и имущество, которое они имели на родине. Поскольку чаще всего такие мигранты едут за границу к своим детям, они ориентированы не на интеграцию

в принимающий социум, а на присоединение к своей семье. Незнание языка и другие сложности адаптации в зарубежном сообществе их, как правило, не пугают, поскольку они рассчитывают общаться в замкнутом круге близких. Сдерживающими обстоятельствами при таких миграциях могут служить проблемы со здоровьем, наличие бесплатной медицины в РФ и сложности с медобслуживанием в других странах. Кроме того, возможны сложности с адаптацией к другим традициям, пище, климату.

В конечном итоге маргинальность положения мигранта при таких переселениях накладывается на смену статуса с работающего на пенсионера, что еще больше усложняет ситуацию. В этом смысле пожилых мигрантов можно назвать двойными маргиналами. Французский исследователь Ф. Крибье именует их двойным меньшинством, поскольку, с одной стороны, пожилые, решившиеся на переезд, составляют меньшинство в своей возрастной категории (остальные остались на прежних местах), а с другой – как представители данной возрастной группы они составляют меньшинство в составе миграционных потоков в целом [25, p. 121].

Таким образом, миграционные стратегии населения старше трудоспособного возраста определяются уровнем жизни, устойчивостью семейных связей, индивидуальными жизненными траекториями. Реализация стратегий идет в нескольких направлениях, определяющих типы миграции для этой категории населения: климатические, семейные, экономические. Основным трендом является внутренняя миграция в рамках одной страны. При этом в России преобладает городская миграция, а в европейских странах – сельская. Доля возрастных мигрантов в общем миграционном потоке в последние десятилетия остается практически неизменной при общей тенденции к росту численности мигрантов этой категории.

Ссылки

1. Laslett P. The Third Age, the Fourth Age and the Future // *Ageing and Society*. 1994. Vol. 14, No 3. P. 436–447.
2. Warnes A. M. The development of retirement migration in Great Britain // *Espace, populations, sociétés*. 1993. No. 3. P. 451–464.
3. Life expectancy and Healthy life expectancy. Data by Country // World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.688> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Тарасова Е. В. Особенности миграции населения старше трудоспособного возраста в Алтайском крае // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2013. № 1. С. 150–153.
5. Ниорадзе Г. В. Международная миграция старшего поколения: общемировые и российские тенденции // *Демис. Демографические исследования*. 2021. Т. 1, № 4. С. 43–58.
6. Cribier F., Dieleman F. M. La mobilité résidentielle des retraités en Europe occidentale // *Espace, populations, sociétés*. 1993. No. 3. P. 445–449.
7. World Population Prospects 2019 // United Nation. Population Division. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (дата обращения: 20.10.2024).
8. Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 25.10.2024).
9. Доклад о миграции в мире 2020 // International Organization for Migration. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

10. Карачурина Л. Б. Муниципальные образования России сквозь призму миграции населения разных возрастов // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования. Материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Тюмень, 2022. С. 256–259.
11. Cribier F. La migration de retraite des fonctionnaires parisiens. // Bulletin de l'Association de géographes français. 1970. No. 381. P. 135–143.
12. Stuart A. F. Migration and Population turnover in a London Borough: the incidence and implications of retirement outmigration // Espace, populations, sociétés. 1987. № 1. P. 137–151.
13. Öberg S., Scheele S., Sundström G. Migration among the elderly, the Stockholm case // Espace, populations, sociétés. 1993. No. 3. P. 503–514.
14. Bartiaux F., Bonaguidi A. Les migrations de retraite des Milanais // Espace, populations, sociétés. 1993. No. 3. P. 515–522.
15. Kemper F.-J. Migrations of the elderly in West Germany: Developments 1970–1990 // Espace, populations, sociétés. 1993. No. 3. P. 477–487.
16. Cribier F. Les migrations de retraite aux Etats-Unis // Travaux de l'Institut Géographique de Reims. 1975. No. 21-22. P. 133–143.
17. Hooimeijer P., Dieleman F. M., Kuijpers-Linde M. Is elderly migration absent in the Netherlands? // Espace, populations, sociétés. 1993. No. 3. P. 465–476.
18. Wiseman R., Roseman G. A typology of elderly migration based on the decision making process // Economic geography. 1979. № 55-1. P. 324–337.
19. Grundy E. Household Change and Migration among the Elderly in England and Wales // Espace, populations, sociétés. 1987. № 1. P. 109–123.
20. Bartiaux F. Une étude par ménage des migrations des personnes âgées : comparaison des résultats pour l'Italie et les Etats-Unis // Cahiers québécois de démographie. 1988. No. 17 (2). P. 247–271.
21. Cribier F., Duffau M.-L., Kych A. Le maintien à domicile d'une population parisienne très âgée. // Les Annales de la recherche urbaine. 1996. No. 73. P. 99–107.
22. Ford R. The Process of Mobility Decision-making in Later Old Age: early findings from an original survey of elderly people in South East England // Espace, populations, sociétés. 1993. No. 3. P. 523–532.
23. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 2. С. 74–80.
24. Карачурина Л. Б., Иванова К. А. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 51–60.
25. Cribier F. Les migrations de retraite en France: matériaux pour une géographie du troisième âge // Bulletin de l'Association de géographes français. 1970. No. 381. P. 119–122.
26. Cribier F., Kych A. Les migrations de retraite des citoyens en France // Espace, populations, sociétés. 1993. No. 3. P. 489–501.